

CZU 821.09:81'373

ГЕРОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Надежда ПИЛАТ, студентка, филологический факультет,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо

Научный руководитель: **Фёдор ГОРЛЕНКО**, доктор, преподаватель

Rezumat: *Articolul examinează interpretarea eroului unei opere artistice ca o personalitate lingvistică; există trei niveluri de personalitate lingvistică, care sunt proiectate asupra imaginii personajului. Structura personalității lingvistice este urmă-*

rită cel mai clar în discursul eroului operei, care este divizat în vorbire externă și internă. Structura vorbirii imaginii artistice reflectă toate nivelurile personalității lingvistice, ce se realizează în vorbirea internă și externă.

Cuvinte-cheie: *personalitate lingvistică, imagine artistică, model al unei personalități lingvistice, structură a unei personalități lingvistice, vorbire externă și internă.*

В современной лингвистической парадигме, основным дифференцирующим признаком которой является антропоцентричность, главным объектом исследования выступает человек, его языковое сознание. Такой подход к человеку как языковой личности распространяется и на изучение художественного произведения, в частности, на выявление своеобразия языкового выражения автора и созданных им персонажей.

Понятие «содержание художественного образа» само по себе исключительно ёмко, многопланово, можно даже сказать, неоднозначно. Оно достаточно глубоко и всесторонне исследовано в ряде работ М. Б. Храпченко, в частности, в специально посвященной этой проблематике монографии. Предельно обобщая это сложное, не вмещающееся в единое определение явление, М. Б. Храпченко считает *«целесообразным выделить прежде всего следующие четыре определяющих «стихии» художественного образа или, точнее, сферы его раскрытия:*

- a. отражение и обобщение существенных свойств, черт действительности, представлений человека о мире, раскрытие сложности духовной жизни людей;*
- б. выражение эмоционального отношения ко всему миру, что служит объектом творчества;*
- в. воплощение идеала, совершенного, красоты жизни, природы, создание эстетически значимого предметного мира;*
- г. внутренняя установка на восприятие читателя, зрителя, слушателя, присущая образному творчеству и связанная с этой установкой потенциальная сила эстетического воздействия, которое отдельные образ и искусство в целом всегда оказывали и оказывают на его "потребителей"» [21, с. 66-67].*

Духовный облик личности, мир её ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и в конкретно избираемых путях их достижения, и составляют зерно содержания художественного образа. Раскрывая его смысл, критик, литературовед так или иначе оперирует этими понятиями, дает им ту или иную характеристику. Но духовная жизнь человека опредмечивается не только в его производственно-материальной деятельности, не только в социально значимых действиях, не только во внешних проявлениях его характера (именно эти линии создания и восприятия художественного образа и находятся в центре внимания литературной критики). В такой же мере духовность опредмечивается в речевых поступках человека, языковом его поведении, т.е. в широком смысле – в текстах, им порождаемых. Языковый же анализ художественного произведения, осуществляемый с литературно-критическими це-

лями, зачастую остаётся в небрежении, отодвигается на второй и третий план, признаётся в чём-то несущественным. Отмечая неправомерность подобной оценки языка художественной литературы и подчеркивая активную, созидательную, воздейственную и органичную роль слова в ней, М. Б. Храпченко отмечает: *«При всем несомненном значении художественного слова для создания образных обобщений нередко высказываются суждения, которые отводят ему чисто служебную роль. Раннее уже рассматривалась теория «преобразования» слова в литературно-художественном произведении, преобразовании, при котором оно лишается важнейших своих свойств. Взгляды, принижающие значение художественной речи, существуют и в иных вариациях. Так...представления о языке художественного произведения как о «речевой оболочке» в искаженном виде характеризуют связи, соотношения языка и образа, процесс его создания. С этой точки зрения оказывается мало полезным или даже совсем ненужным тот огромный труд, который затрачивает писатель, отбирая языковые средства для того, чтобы воплотить дорогие ему идеи и образы...Достаточно широким признанием пользуется точка зрения, согласно которой слово в литературном творчестве – это своего рода строительный материал. Без него, разумеется, невозможно создать литературное произведение, но тем не менее самостоятельного значения оно не имеет...Согласиться с этой точкой зрения никак нельзя»* [22, с. 46-47].

В свете сказанного, нас интересует один из аспектов изучения языка художественного произведения: рассмотрение персонажа художественного произведения как языковой личности. Естественно, при такой постановке вопроса пока еще нет ничего нового, поскольку речевые характеристики действующих лиц, будучи одним из эффективных приемов создания образа, всегда привлекали внимание критики. Однако наша задача будет состоять не в том, чтобы выявить те отношения «дополнительности», которые устанавливаются обычно в литературно-критическом анализе между речью персонажа и основными сферами раскрытия художественного образа, а в попытке систематизировать всю совокупность текстов данного лица в художественном произведении таким образом, чтобы они могли составить достаточно целостную характеристику его как индивидуальной языковой личности.

Понятие «языковая личность» употребляется чаще для обозначения родового свойства homo sapiens вообще. Оно разрабатывается с заметной эффективностью в лингводидактических целях, и на доступном ныне уровне обобщенных научных представлений о «языковой личности» она выступает как многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения.

Термин «языковая личность» в русистике впервые встречается в работе В.В. Виноградова «О языке художественной прозы» [5], посвященной изучению личности автора и персонажа художественного произведения.

Проблему взаимосвязи языка и личности пытались осмыслить и ранее, ей посвящены работы различных ученых. Так, Й.Л. Вайсгербер первым в за-

рубежной лингвистике употребил словосочетание «языковая личность» в книге «Родной язык и формирование духа»[4].

В. фон Гумбольдт изучал влияние языка на культуру отдельной личности, а также народа в целом [7]. К. Фосслер рассматривал индивидуальный авторский язык с позиций эстетики [24, с. 117]. Ф. де Соссюр представлял язык своеобразным инструментом, обеспечивающим взаимодействие человека и окружающего мира [12]. Э. Сепира интересовали аспекты воздействия культуры на личность, а также взаимосвязь языка и мышления [19]. М.М. Бахтин, исследовавший особенности диалога культур, рассматривал личность как «говорящее сознание», которое является участником коммуникации [2, с. 361]. А.А. Потегня обращал внимание на синтез индивидуального и социального в языке личности: *«Языковая индивидуальность выделяет человека как личность, и чем ярче эта личность, тем полнее она отражает языковые качества общества»* [18, с. 98].

Концептуальные положения работ В.В.Виноградова успешно разработал Ю.Н.Караулов. Лингвист представляет языковую личность как *«...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью»* [24, с. 245]. В то же время он полагает, что *«языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств»* [24, с. 38]. Несомненно, следует сказать, что первое толкование Ю.Н. Караулова ориентировано на языковые особенности личности, второе – на определенного говорящего или пишущего.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня модели языковой личности: вербально-семантический, когнитивный (тезаурусный) и прагматический.

На **вербально-семантическом уровне** слова выступают как единицы, их взаимосвязь включает в себя синтактико-семантические, грамматико-прагматические и ассоциативные отношения, а шаблонными (стереотипными) становятся самые обычные и распространенные фразы, словосочетания, предложения, которые воспринимаются в качестве типовых, стандартных.

На **когнитивном уровне** единицами являются генерализованные понятия, концепты, представленные единицами вербально-семантического уровня, но уже имеющие положение лексических единиц, служащих названием целого ряда схожих по значению слов. Взаимосвязь данных единиц представляет собой структуру с вертикальным характером координации ее компонентов, которая чем-то напоминает структуру мира; тезаурус позволено считать её подобием, хотя не близким. Шаблонами здесь являются типовые прочные связи среди дескрипторов, которые проявляются в обобщенных изречениях, определениях, пословицах, поговорках, афоризмах, среди которых языковая личность отдает предпочтение тем, что отвечают прочным отношениям между дескрипторами принадлежащего ей тезауруса и ввиду этого обозначают ее непреложные аксиомы и обнаруживают главные идеи ее жизни [11, с. 52].

Единицами же на **прагматическом уровне** автор считает коммуникативно-деятельностные потребности, связи между которыми определяются обстоятельствами общения людей, обстоятельствами области этого общения и осуществляемыми его участниками функциями. Очевидно, эти связи формируют свою стабильную систему, все элементы которой доступны для стандартизации, хотя, по мнению автора модели, до сих пор этим никто серьезно не занимался. Шаблонами на этом уровне принято считать объекты таких текстов, высказываний, которые знакомы многим людям и используются в качестве речевых стереотипов. Ю.Н. Караулов называет подобные тексты прецедентными. Такими текстами являются различные цитаты из книг, фильмов, песен, названия всевозможных произведений, имена персонажей, которые вызывают определенные сопутствующие значения [11, с. 53].

По мнению некоторых лингвистов, «перспективы использования термина языковая личность связаны с обозначением конкретного носителя языка, с тем определением Ю.Н. Караулова, которое пока осталось почти не замеченным в лингвистике» [9, с. 29]. Д.Н. Мурзин, Е.В. Иванцова также рассматривают языковую личность с позиции индивидуальности: *«Языковая личность есть индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения»* [17, с. 11]; *«Личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах»* [8, с. 10]. С точки зрения Г.И. Богина, языковая личность есть *«человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи»* [3, с. 35].

Однако понятие «языковая личность» не является бесспорным. Так, В.А. Чудинов, например, отмечает его избыточность, так как *«личность может стать личностью только в процессе социализации, а без овладения национальным языком это невозможно»* [23]. Помимо этого, он отмечает связь личности с речью более тесной, нежели с языком. В свою очередь И.А. Сеница в монографии «Языковая личность ученого-гуманитария XIX века» утверждает, что *«личность определяется языковой прежде всего потому, что язык является главным средством выражения индивидуально-личностных черт человека в целом»*, поэтому правомерно говорить о существовании *«языковой, правовой, экономической, актерской и т. д. личности»* [20, с. 38].

Изучение феномена языковой личности в настоящее время в русистике идет по двум главным направлениям. С одной стороны, оно связано с характеристикой авторских идиостилей и речевой характеристикой персонажа как типа личности [13, с. 28]. Других исследователей интересует «человек говорящий» с его языковой компетентностью, проявляемой в разных видах речевой деятельности [14, с. 113].

При сопоставлении основных определений термина языковая личность закономерно обнаруживается ряд положений, общих для всех дефиниций. Так, все исследователи определяют языковую личность как человека (личность, индивида), воспринимаемого сквозь призму его языковых проявлений (текстов, языковых средств, речевых поступков) в ходе коммуникации. При этом поня-

тия «язык» и «речь» не имеют четкого разграничения, хотя в теории языковой личности разрабатывается идея, сторонники которой разделяют языковую и речевую личность (В. В. Красных, В. А. Маслова и др.).

Языковая личность не может существовать вне общества и его культурного пространства, и данная особенность отражена лишь в определении В.И. Карасика. Поскольку восприятие языковой личности В.И. Карасиком представляется нам наиболее полным и всеобъемлющим, мы будем придерживаться его, считая, что «языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [10, с. 363].

Персонаж, по мнению Л. Я. Гинзбург, определяется как «серия последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ» [6, с 243].

Ю. Н. Караулов говорит о правомерности изучения персонажа как языковой личности, поскольку персонаж является продуктом эмоциональной и интеллигентной деятельности автора, и автор создает его как языковую личность.

Языковая личность художественного персонажа – это совокупность произведенных данным лицом текстов и «фрагментов авторского повествования, которые характеризуют речевую манеру персонажа» [1, с. 60].

Если понятие «художественный образ» широкое, включающее в себя и речевые, и литературные образы (персонаж произведения), то понятие «языковая личность персонажа» более узкое, дающее систематизацию совокупности произведенных данным лицом текстов и фрагментов авторского повествования, которые характеризуют речемыслительную манеру персонажа.

Несмотря на теоретически четкое деление структуры языковой личности на лексикон, тезаурус и прагматикон, в реальности границы данной организации размываются. Вследствие этого разграничение уровней языковой личности в художественном произведении является условным. Тем не менее попытаемся дать общую характеристику каждого уровня.

При анализе структурно-языкового уровня учитываются количественный и качественный состав лексикона персонажа, тематическая составляющая его единиц, соотношение литературной и диалектной, иностранной и русской лексики, степень использования значений многозначных слов, синонимическое богатство словаря и др. Однако сам по себе лексикон играет вспомогательную роль в изображении той или иной языковой личности, т.е. он должен рассматриваться только в связи со всем дискурсом языковой личности, и прежде всего с ее тезаурусом. Так, наблюдения над словоупотреблением в текстах персонажа позволяют выделить ключевые слова-темы (или концепты) по двум критериям: а) по частоте употребления; б) по разворачиванию вокруг них в тексте наиболее крупных семантико-тематических групп лексики – центрами пересечения лексикона с тезаурусом становятся концептуальные категории, а также многие грамматические явления, отражающие картину мира данного персонажа.

Цель писателя, таким образом, заключается в том, чтобы, используя лексикон и грамматикон действующего лица, воссоздать тезаурус, а затем и прагматикон персонажа, который составляет *«глубинный слой в организации языковой личности, тогда как поверхностный принадлежит лексикону»* [12, с. 96].

Прагматикон в чистом виде составляют как речевые поступки героя, так и его действия, обусловленные сетью коммуникативно-деятельностных потребностей, установок, целей и ценностей. Наиболее наглядно этот уровень характеризуется использованием языковой личностью прецедентных текстов.

Структура языковой личности персонажа ярко прослеживается в дискурсе героя, который имеет свои нормы, правила, тенденции речеобразования, принципы организации высказываний в зависимости от социальных, эмоциональных, психологических и других особенностей действующего лица. Разделение дискурса героя проходит по линии: внешняя (экстериоризованная) речь – внутренняя (интериоризованная) речь.

Внешняя речь – это произносимая и воспринимаемая речь, предназначенная преимущественно «для других», для восприятия и понимания ее другими. Поэтому она имеет обширную шкалу степеней качества: от ситуативной, необработанной до продуманной, организованной речи. Внешняя речь по своей природе делится на монологическую и диалогическую.

Внутренняя речь является объектом исследования разных наук, поэтому существуют множество толкований этого понятия. Так, в психологии внутренняя речь трактуется как *«беззвучная, скрытая вербализация, приспособленная к выполнению мыслительных операций в уме»* [1, с. 77]. В этом смысле внутренняя речь близка к мышлению и выступает одной из его форм. В психолингвистике внутренняя речь исследуется в теории речевой деятельности. В работах одних ученых (например, А. Р. Лурии [16], С. Д. Кацнельсона [13]) она рассматривается как главный и необходимый этап в подготовке внешней речи, в других работах (например, у А. А. Леонтьева [15]) – как факультативный этап в процессе порождения речи.

Изображение внешней и внутренней речи персонажей происходит в рамках существующих в языке способов и форм передачи чужой речи. Традиционно выделяются три таких способа: прямой, косвенный и несобственно-прямой. Наряду с ними некоторые лингвисты выделяют также другие способы: тематический, несобственно-авторский, сказовый, свободный прямой (И. В. Труфанова), свободный косвенный (Д. Э. Розенталь).

Итак, структура художественного образа отражает все три уровня языковой личности, а также предполагает анализ внутренней и внешней речи, поэтому занимает центральное положение в речевой организации персонажа.

Библиография:

1. АРТЮШКОВ И. В. *Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого)*. – М.: МПГУ, 2003. – 347 с.
2. БАХТИН, М.М. *Тетралогия*. – М.: Издательство Лабиринт, 1998. – 608 с.

3. БОГИН, Г.И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов*: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.
4. ВАЙСГЕРБЕР, Й.Л. *Родной язык и формирование духа*; пер. О.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
5. ВИНОГРАДОВ, В.В. *Избранные труды: О языке художественной прозы*. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
6. ГИНЗБУРГ Л. Я. *О психологической прозе*. – Л.: Художественная литература, 1976. – 448 с.
7. ГУМБОЛЬДТ, В. *Избранные труды по языкознанию*. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
8. ИВАНЦОВА, Е.В. *Феномен диалектной языковой личности*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
9. ИВАНЦОВА, Е.В. *О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования* // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24-32.
10. КАРАСИК, В.И. *Языковая личность: аспекты изучения* // Язык и культура: материалы II Междунар. науч. конф., Москва, 17-21 сентября 2003 г.: Тез. докл. – М., 2003. – С. 362-363.
11. КАРАУЛОВ Ю.Н., *Русский язык и языковая личность*. Москва: ЛКИ, 2010
12. КАРАУЛОВ Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
13. КАРАУЛОВ Ю. Н. *Из опыта реконструкции языковой личности*. – М.: Наука, 1986. – 222 с.
14. КАЦНЕЛЬСОН С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
15. ЛЕОНТЬЕВ, А.А. *Основы психолингвистики*. М.: Смысл, 1999. – 287 с.
16. ЛЕОНТЬЕВ А. А. *Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания*. – М.: Просвещение, 1969. – 308 с.
17. ЛУРИЯ А. Р. *Речь и интеллект в развитии ребенка*. М., 1927. – 259 с.
18. МУРЗИН, Д.Н. *Антропологическая ниша в языковой науке* // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург. – 1995. – С. 11-12.
19. ПОТЕБНЯ, А.А. *Мысль и язык* / А.А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
20. СЕПИР, Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс-Универс, 1993. – 654 с.
21. СИНИЦА, И.А. *Языковая личность ученого-гуманитария XIX века* / И.А. Сеница. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2006. – 352 с.
22. ХРАПЧЕНКО М.Б. *Горизонты художественного образа*. М., 1982, 441 с.
23. ХРАПЧЕНКО. И.Б. *Язык художественной литературы*. – В кн.: Контекст-1984. М., 1986, с. 46-47.
24. ЧУДИНОВ, В.А. *Проблема языкового субъекта* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://chudinov.ru/problemayazykovogosubekta/>. – Дата доступа: 01.02.2015.
25. ЭФТОР, О.В. *О подходах к изучению языковой личности* // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 86, Филология. Искусствоведение. – 2013. № 37 (328). – С. 117-120.